

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.6

Семантическая асимметрия в лексике цвета (на материале славянских языков и их говоров)

© С. В. Кезина*, М. Г. Луннова

Пензенский государственный университет
Россия, 440026 г. Пенза, улица Красная, 40.

*Email: svkezina@gmail.com

Проанализировано явление устойчивости и подвижности семантики цвета на материале славянских языков и их говоров. Цели изыскания – показать, что семантическая асимметрия детерминирована нелинейностью колоративной системы, и обозначить эвентуальные причины устойчивости и подвижности значения. В качестве основных методов лингвистического исследования использованы сопоставительный, сравнительно-исторический, историко-сравнительный, аддитивный и метод компонентного анализа. Актуальность научного анализа детерминируется нерешенностью основных вопросов исторической семасиологии: как исторически генерировались разные значения одного и того же слова и что лежит в основе различной семантической актуализации. Новизна исследования обусловлена синергетическим подходом к изучению формально-содержательной асимметрии. Осуществлена реконструкция дописьменного состояния семантики цвета, показывающая, что славянские имена цвета восходят к индоевропейскому периоду, и хроматические семемы генерируются на основе базисных, последовательно включаясь в семантическую структуру исходного слова диахронического поля и образуя цветовую синкрету. Выявлено, что цветовая синкрета имеет сложную гетерогенную структуру, подвергнутую разрушению еще в дописьменный период. Распад древних цветовых синкрет сопровождается выделением из них отдельных семем (разложимых и неразложимых), различно реализующихся в разных славянских языках и их говорах. Обосновано, что семантическая асимметрия детерминирована нелинейным характером колоративной системы, и определены эвентуальные причины устойчивости и подвижности семантики цвета. Сделан вывод о том, что устойчивость и подвижность семантики цвета в славянских языках определяют их различие и сходство, а также поддерживают динамическое равновесие колоративной системы.

Ключевые слова: славянские языки и говоры, колоративная система, семантическая асимметрия, синергетический подход, диахроническое поле, синкрета, семема.

Введение

В 1968 г. на VI Международном съезде славистов Н. И. Толстой отмечал, что «особый теоретико-лингвистический и специально-славистический интерес» для сравнительной славянской семасиологии представляет вопрос – «как одними и теми же или весьма близкими формальными средствами языка выражается *разное* содержание» [1, с. 341].

В наше время, когда системный подход к изучению языка выходит на качественно новый уровень, предполагающий осмысление языковых фактов в самоорганизующейся системе, каковой и является язык как естественная (ментально-биологическая) знаковая система, открываются новые возможности для изучения формально-содержательной асимметрии.

Предметом настоящего исследования является семантическая асимметрия в славянской лексике цвета. Цели исследования – показать, что семантическая асимметрия детерминирована

нелинейностью колоративной системы, и обозначить эвентуальные причины устойчивости и подвижности значения. Материалом для научного анализа послужили славянские цветообозначения (ЦО), полученные методом частичной выборки из этимологических и диалектных словарей, а также из публикации В. А. Московича [2].

Колоративная система славянских языков структурирована диахроническими полями. Как сверхсложная, открытая, динамическая система она относится к синергетическим (самоорганизующимся) системам со всеми присущими ей признаками [3, с. 44–46]. Диахроническое поле (ДП) представляет собой «развернутое» в пространстве и времени этимолого-словообразовательное гнездо, развитое на основе того или иного индоевропейского корня.

Вслед за В. А. Московичем мы рассмотрим только собственно цветовой локус в многослойной семантической структуре ДП, не включая в анализ оценочные и переносные значения, развитые на основе цветowych.

Научные подходы к экспликации семантической асимметрии

В научной традиции существуют несколько основных подходов к экспликации семантической асимметрии.

Первый подход представлен в трудах Н. И. Толстого и В. А. Московича, он активно используется при этимологизации слов. Суть подхода: *каждое* новое значение является результатом изменения другого значения. «Следует заметить, что цветообозначения как группа лексики отличаются особым непостоянством и расплывчатостью значений, что заставляет составителей этимологических словарей отказываться от поисков закономерностей изменения значений этих слов. Обычно считают, что здесь „все переходит во все“» [2, с. 143]. В основе семантического перехода чаще всего лежит «потеря или прибавление одного семантического компонента» [2, с. 144], иначе – «семантизация/десемантизация и как следствие транссемантизация, то есть переход одной семемы в другую путем изменения признаков» [1, с. 357]. В. А. Москович приводит пример потери ЦО одного из компонентов значения: «Сюда отнесем тот случай, когда лексема со значением ‘коричневый’ (то есть красный + серый) приобретает значение ‘серый’: укр. диал. *рудый* ‘коричневый’ и укр.-блр. диал. *рудый* ‘серый’ (о полотне)» [2, с. 144].

В основе второго подхода к объяснению семантической асимметрии лежит идея актуализации одних и погашения других сем или семем [4], доминантности одних и рецессивности других сем или семем [5]. Примером актуализации и погашения разных значений может послужить слово *белый*, актуализирующее в современном русском литературном языке значение ‘цвета снега, молока, мела’ [6, с. 78], а в говорах русского языка – значения ‘серый’ и ‘голубой’ (о глазах) [7, вып. 2, с. 233]. Заметим, что при втором подходе, в отличие от первого, остается неясным, как же осуществляется генерация семем.

Кроме перечисленных подходов, «несовпадение объема семантики в разных языках», обнаруживаемое при семантическом сопоставлении, объясняют «национальной спецификой семантики лексических единиц» [8, с. 32–33], наличием «национально-культурного компонента в значении слова» [9, с. 158]. В настоящем исследовании, посвященном анализу древнего слоя семантики цвета, где национально-культурный компонент еще ярко не выражен и ограничивается сферами денотации, вопрос национальной специфики не рассматривается.

Перечисленные подходы убеждают в необходимости реконструкции дописьменного состояния семантики цвета, на основе которого можно с различной степенью «приближения к реальному прошлому языковому состоянию» [10, с. 18] выводить последовательную генерацию сем и семем.

Реконструкция дописьменного состояния семантики цвета

Реконструкция семантики основных славянских цветообозначений, осуществленная нами на материале ДП, восходящих к индоевропейским корням *gǝl: gǝl, *kǝr: kǝr, *bǝl: bǝl, *bǝg: bǝg, *bǝr: bǝr, *rǝl: rǝl, *raǝ:rǝ, *k'ǝl: k'ǝl [11, с. 130–176], свидетельствует о том, что славянские имена цвета восходят к индоевропейскому периоду и фонетически окончательно оформляются в праславянский период. Цветовой локус в семантической структуре каждого из ДП генерировался на основе базисного, включающего семемы 'жилище', 'вода', 'пища', 'огонь (очаг)', 'явления природы', 'племя', 'звуки', 'орудия труда'. На основе этих первичных семем генерировались цветовые семемы. Научкой установлено, что хроматические семемы включались в семантическую структуру ДП в строго определенной последовательности, которая носит универсальный характер и более объективно, на наш взгляд, отражена в схеме Берлина и Кея: *белый и черный – красный – зеленый и желтый – синий – коричневый – розовый, голубой, серый, оранжевый и фиолетовый* [12].

Из схемы следует, что самыми значимыми денотативными областями, связанными с первичной номинацией цвета, были источники света, а также зелень и цветы растений, связанные с земледелием. Именно поэтому семемы *белый и черный, красный, зеленый и желтый* раньше других пополнили цветовой локус ДП. Раннюю выработку абстрактного значения для ЦО *белый, черный, зеленый и желтый* (лексема *красный* позднее вошла в колоративную систему, что, вероятно, связано с ее происхождением) отмечает Н. Б. Бахилина на материале древнерусских памятников письменности [13, с. 8–9]. Выводы Н. Б. Бахиловой адекватны наблюдениям В. А. Московича, который на материале говоров Полесья к «сильным звеньям» колоративной системы относит общеславянские названия белого, черного, желтого и зеленого цветов [2, с. 143]. Заметим, что славянский диалектный материал и материал ранних древнерусских письменных памятников одинаково отражают ключевые этапы в эволюции славянской лексики цвета, что объясняется принципом фрактальности, положенным в основу построения любой самоорганизующейся системы [14, с. 324].

Итак, цветовые семемы включались в семантику ДП в разное время в зависимости от значимости предмета, ставшего эталоном цветоименования. В результате создавалась цветовая синкрета, отличающаяся сложностью и гетерогенностью (одно слово обозначало разные цвета). Представим фрагмент реконструированной семантики ЦО, восходящих к и.-е. корням *kǝr: kǝr и *gǝl: gǝl, объединенных на основе колебаний древних согласных (заднеязычных и плавных): полаб. *cárne* 'черный' – др.-исл. *harr* 'серый, седой' – лит. *kéršas* 'черно-белый', 'пятнистый' – польск. *czerwonу* 'красный, золотой', *czarnу* 'черный' – болг. *червѣн* 'красный' – нем. *gelb* 'желтый' – др.-прусск. *golimban* 'голубой' и 'синий' – лтш. *zilgans* 'голубоватый' – ирл. *gel* 'белый' – сербск. *зелен* (конь) 'серовато-белый' – совр. сербохорв. *зѣлѣнко* 'серый' (о лошади) – русск. *зеленый* 'цвета травы, листвы' и др. [11, с. 116–123, 137]. Примеры репрезентируют универсальные семемы.

Судьба цветовой синкреты в разных славянских языках

Цветовые синкреты, последовательно развитые во всех ДП, отображают процесс освоения человеком «нового знания, сводя его к неким базовым структурам и схемам» [15, с. 22]. Цветовая синкрета и является такой базовой структурой, которая усложняется за счет увеличения количества означаемых при одном означающем и приходит в неравновесное состояние, «в так называемые точки бифуркации, в которых происходит выбор одного из дальнейших путей

развития системы» [14, с. 321]. Языковые факты показывают, что цветовая синкрета распалась, и из нее выделились фрагменты древнего синкретичного значения, разные по длине и составу: напр., др.-инд. *hári(s)* 'желтый, золотистый, зеленоватый' [16, т. II, с. 103] – греч. *χλωρός* 'сине-зеленый' [17, т. I, с. 230] – ирл. *glass* 'зеленый, серый, голубой' [18, т. I, с. 125].

Явление распада сложных семантических форм на материале славянских говоров заметил Н. И. Толстой. Он писал о том, что территориально близкое распространение «далеких друг от друга» значений одного и того же слова «вынуждает нас отказаться от представления о развитии значения, как о некоей линейной цепной реакции», и учитывать, «что разная дистрибуция в отдельных говорах могла происходить хронологически одновременно» [19, с. 44]. Славист ставил вопрос о выработке методики предсказуемости актуализации тех или иных семем на семантической сетке, предвосхищая современные синергетические исследования в этом направлении: «Бифуркация (*русск. разветвление*) означает, что из этого положения синергетическая система имеет возможность развития в нескольких направлениях; реальный выбор системой одного из них обычно непредсказуем, однако это является лишь следствием наших неполных знаний и недетерминированности окружающего мира» [14, с. 321].

Итак, древние цветовые синкреты после распада получили разную реализацию в разных славянских языках и их говорах, которая проявилась, с одной стороны, в углублении различий между славянскими языками, с другой – в определенной устойчивости плана содержания, что объясняется генетическим родством языков и стремлением колоративной системы к стабилизации. Сравнение лексики цвета в славянских языках и их говорах на предмет различной актуализации цветовых семем дало следующие предварительные результаты.

1. Актуализированные в славянских литературных языках цветовые семемы адекватны, за редким исключением, и сохраняют связи с древнейшими предметами-эталоном наименования цвета:

рус. *багряный* 'густо-красный, пурпуровый' [6, т. I, с. 55] – болг. *багрен* 'пурпуровый, темно-красный' [20, с. 23] – зап.-укр. *багрий* 'темно-красный' [21, вып. 1, с. 131];

рус. *белый* 'цвета снега, мела, молока' [6, т. I, с. 78] – болг. *бял* 'белый' [20, с. 44] – слвц. *biely* 'белый', 'светлый', 'седой' [21, вып. 2, с. 79] – польск. *białasy*, слвц. *belasý* 'голубой' [16, т. I, с. 148];

рус. *гнедой* 'красновато-рыжий с черным хвостом и гривой' [6, т. I, с. 320] – чеш. *hnědý* 'коричневый' [16, т. I, с. 420] – словен. *gnêd* 'сорт винограда с синеваато-красными ягодами' [16, т. I, с. 420];

рус. *голубой* 'цвета ясного неба; светло-синий, лазурный, лазоревый' [6, т. I, с. 328] – болг. *гълъбѳв* 'цвет пепельно-голубой' [20, с. 134] – укр. *голубий* 'голубой' [16, т. I, с. 432] – польск. *gołębi* 'голубиный' (о цвете) [16, т. I, с. 432];

рус. *желтый* 'цвета яичного желтка, золота' [6, т. I, с. 477] – болг. *жълт* 'желтый' [20, с. 242] – укр. *жѳвтий*, словен. *žolt*, польск. *żółty* 'желтый' [16, т. II, с. 43];

рус. *зеленый* 'цвета травы, зелени' [6, т. I, с. 606] – болг. *зелѳн* 'зеленый' [20, с. 242] – укр. *зелѳний*, сербохорв. *zѳлен*, словен. *zelѳn*, слвц. *zelený* 'зеленый' [16, т. II, с. 92];

рус. *красный* 'цвета крови' [6, т. II, с. 122] – болг. *красен* 1) 'красивый, прекрасный'; 2) 'элегантный' [20, с. 342];

рус. *паловый*, *паловый* 'светло-желтый, блеклый' – укр. *паловий* 'желтый, красно-желтый' – сербохорв. *плав*, *плова*, *плаво* 'голубой' [16, т. III, с. 313];

рус. *рудый*, *рудый* обл. 'красный', 'рыжий' [6, т. III, с. 736] – болг. *руд* уст. 'рыжий' [20, с. 689] – укр. *рудий* 'рыжий', сербохорв. *руд* 'рыжеватый', чеш. *rudý* 'красный, рыжий' [16, т. III, с. 513];

рус. *сивый* 1) 'серовато-сизый, пепельно-серый'; 2) разг. 'с проседью, седой' [6, т. IV, с. 89] – польск. *siwy* 'серый' [2, с. 145] – болг. *сив* 1) 'серый; сизый'; 2) 'седой' [20, с. 709];

рус. *синий* 'цвета цветков василька' [6, т. IV, с. 96], 'цвета незабудки' [23, с. 137] – болг. *син* 'синий' [20, с. 710] – словен. *sinu* 'синий' [2, с. 146].

рус. *червонный* устар. 'красный, алый' [6, т. IV, с. 662] – болг. *червѣн* 'красный' [20, с. 820] – укр. *червоний* 'красный', 'алый', 'багровый' [22, т. II, с. 380];

рус. *черный* 'цвета сажи, угля' [6, т. IV, с. 667] – болг. *чѣрен* 'черный (цвет)' [20, с. 821] – блр. *чорны*, укр. *чорний*, чеш. *černý*, польск. *czarny* 'черный' [16, т. IV, с. 346].

Семемы, актуализированные в славянских литературных языках, являются древними и сохраняют этимологическую связь с излучающими свет предметами, всходами растений, кровью. Они делятся на разложимые (рус. *синий* 'цвета цветков василька') и неразложимые (болг. *син* 'синий'). В русском языке, в отличие от других славянских языков, у основных ЦО преобладают разложимые семемы, что объясняется стремлением сохранить связь с предметом-эталонной цветовой номинации. Разложимые семемы (напр., рус. *гнедой* 'красновато-рыжий с черным хвостом и гривой') свидетельствуют о том, что ЦО или не выработали абстрактных значений, или языки стремятся сохранить «смешанную» семантику (например, для специализированных систем). В литературном языке лексема может актуализировать несколько цветовых семем, но они не гетерогенные, а наоборот, близкие по значению (укр. *червоний* 'красный', 'алый', 'багровый'; болг. *сив* 'серый; сизый', 'седой').

2. Семантика цвета в славянских говорах имеет ряд особенностей, отличающих ее от семантики в литературных языках.

Диалектные ЦО сохраняют следы гетерогенной многозначности, например:

рус. диал. *багрный* 'пестрый, полосатый' [24, с. 14], 'чисто-бурый, кофейный' (о гончей собаке), 'червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный' [25, т. I, с. 36];

укр. диал. *багрый* 'темно-красный' и 'черный' (о корове) [2, с. 144];

рус. диал. *бѣлый* 'серый' и 'голубой' (о глазах) [7, вып. 2, с. 233];

укр. диал. *рудый* 'коричневый' – укр.-блр. диал. *рудый* 'загорелый', 'серый' (о полотне), 'тигровой масти' (о котках, собаках) [2, с. 144, 146] – укр.-блр. диал. *рудый* (о собаке) 'одна шерстьна чорна, друга жоўта' [2, с. 138] – рус. диал. *рудый* 'смуглый, загорелый' [7, вып. 35, с. 235];

рус. диал. *синий* 'синий', 'окрашенный в любой цвет', 'густой, ровно-зеленый' (о всходах зерновых), 'серый' (о цвете), 'сивый' (о масти лошади) [7, вып. 37, с. 329–331];

рус. диал. *сивый* 'светлый, белокурый' (о волосах), 'серый, сизый'. [7, вып. 37, с. 276];

укр. диал., укр.-блр. диал. *красый* 'красный' (о корове) – укр. диал. *красый* 'пестрый' (о корове) [2, с. 147];

хорв. диал. *голуба* (о корове) 'серая' – босн. диал. *голуба* (о корове) 'белая' – укр.-блр. диал. *голуба* (о корове) 'красная с белыми пятнами' [2, с. 147].

Диалектные ЦО репрезентируют многозначность в границах группы одного тона или близких тонов, что, вероятно, является тем звеном, когда вырабатывается абстрактное значение. Мы говорим о ЦО, которые позднее, по сравнению с *белый*, *черный*, *зеленый*, *желтый*, включались в систему абстрактных ЦО. Такая переходная (на этапе выработки абстрактного значения) многозначность проявляется, например, у ЦО *голубой* в русских говорах: русск. диал. *голубой* 'пепельный' (голубой конь, голубая корова), 'серо-дымчатый с белым' (голубая курица), 'сиреневый' (голубая лошадь – лошадь сиреневой масти) [7, вып. 6, с. 340].

Славянские говоры репрезентируют широкое вовлечение лексики цвета в специализированные системы: рус. диал. *сiний* 'густой, ровно-зеленый' (о всходах зерновых), словен. *gnêd* 'сорт винограда с синевато-красными ягодами' и др. Больше всего примеров связано с масте-обозначением животных. Говоры шире, чем в литературных языках, отражают масти животных. Например, ЦО *голубой* в русском литературном языке используется только для обозначения масти песцов: «Голубой песец – порода песцов серовато-дымчатого цвета» [6, т. I, с. 328]. ЦО, используемые в специализированных системах, часто актуализируют смешанные цветовые оттенки ('серовато-дымчатый', 'синевато-красный', 'красный с белыми пятнами').

Выводы

Итак, колоративная система славянских языков и их говоров репрезентирует формально-содержательную асимметрию, которая проявляется в различной актуализации цветовых семем одной лексемы в: а) литературном языке и диалектах (укр. *рудый* 'рыжий' и укр. диал. *рудый* 'коричневый'); б) редко в разных литературных языках (рус. *красный* 'цвета крови' и болг. *красен* 'красивый, прекрасный'; 'элегантный'); в) разных славянских диалектах (польск. диал. *siwu* 'синий' и рус. диал. *сiвый* 'светлый, белокурый' (о волосах), 'серый, сизый'); г) разных диалектах одного языка (рус. диал. *голубой* 'желтый' (Нижегор.) и 'серо-дымчатый с белым' (Свердл.); д) одном говоре одного языка (рус. диал. *белый* 'серый' и 'голубой' (о глазах) (Якут.)).

Семантическая асимметрия колоративной системы славянских языков детерминируется ее нелинейным характером, определяющим непредсказуемость маршрутов. Тем не менее некоторые причины, влияющие на развитие эволюции семантики имен цвета, можно назвать. К ним относятся: а) одновременное включение цветовых семем в семантическую структуру исходного слова ДП; б) различная удаленность литературных языков от диалектной базы; в) различная сегментация внеязыковой действительности в разных языках и в разных диалектах; г) включение ЦО в специализированные системы языка.

Семантика цвета в группе близкородственных языков репрезентирует их различие и сходство. Сходство больше проявляется в литературных языках, чем в говорах, и детерминируется устойчивостью семантики имен цвета, обеспечивающей стабильность славянской колоративной системы в целом.

Литература

1. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Славянское языкознание: 6 Междунар. съезд славистов (Прага, август 1968 г.)*. М.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 339–365.
2. Москович В. А. Из полесской терминологии цветообозначений // *Полесье*. М.: Наука, 1968. С. 126–161.
3. Пятаева Н. В. Принципы и методы динамического исследования сложных лексических систем // *Paradigmata poznání*. 2015. №1. С. 42–48.
4. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // *Принципы и методы семантических исследований*. М.: Наука, 1976. С. 73–91.
5. Маковский М. М. *Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках*. М.: Наука, 1992. 189 с.
6. *Словарь русского языка: В 4 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. I–IV.
7. *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1965. Вып. 1, 2, 6, 35, 37.
8. Конопелько И. П. *Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований)*. Воронеж: Ритм, 2019. 226 с.
9. Решетникова Е. А. Национально-культурный компонент семантики цветообозначений в русском и английском языках // *Лингвистическое отечествоведение*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 2001. Т. I. С. 158–166.

10. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // *Вопросы языкознания*. 1966. №5. С. 16–36.
11. Кезина С. В. *Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект)*. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с.
12. Василевич А. П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем*. М.: Наука, 1987. 138 с.
13. Бахилина Н. Б. *История цветообозначений в русском языке*. М.: Наука, 1975. 288 с.
14. *Синергетика в филологических исследованиях* / Под ред. Л. С. Пихтовниковой. Харьков: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2015. 339 с.
15. Киселева Л. А., Тодосиенко З. В. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. №1. С. 21–29.
16. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* М.: Прогресс, 1964–1973. Т. I–IV.
17. Иллич-Свитыч В. М. *Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): В 3 т.* М.: Наука, 1971–1984. Т. 1.
18. Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка: В 2 т.* М.: ГИС, 1959. Т. 1.
19. Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // *Вопросы языкознания*. 1963. №1. С. 29–45.
20. Бернштейн С. Б. *Болгарско-русский словарь*. М.: ГИИНС, 1953. 886 с.
21. *Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1–2.
22. Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т.* М.: Рус. яз., 1994. Т. 2.
23. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд.* М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
24. *Словарь русских говоров Новосибирской области*. Новосибирск: Сиб. отд., 1979. 605 с.
25. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* М.: Рус. яз., 2000. Т. 1.

Поступила в редакцию 24.09.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.5.6

Semantic asymmetry in the vocabulary of color (on the material of Slavic languages and their dialects)

© S. V. Kezina*, M. G. Lunnova

*Penza State University
40 Krasnaya Street, 440026 Penza, Russia.*

**Email: svkezina@gmail.com*

The phenomenon of stability and mobility of color semantics is analyzed on the material of Slavic languages and their dialects. The purpose of the study is to show that the semantic asymmetry is determined by the non-linearity of the color system and to identify the eventual reasons for the stability and mobility of the meaning. Comparative, comparative-historical, historical-comparative, additive and component analysis methods were used as the main methods of linguistic research. The relevance of the scientific analysis is determined by the unresolved main issues of historical semasiology: how different meanings of the same word were historically generated and what underlies different semantic actualization. The novelty of the study is due to the synergistic approach to the study of formal-content asymmetry. A reconstruction of the preliterate state of color semantics was carried out, showing that Slavic color names date back to the Indo-European period, and chromatic semes are generated on the basis of basic ones, sequentially being included in the semantic structure of the original word of the diachronic field and forming a color syncretite. It was revealed that the color syncretite has a complex heterogeneous structure, subjected to destruction back in the pre-literate period. The disintegration of ancient color syncretites is accompanied by the isolation of separate semes (decomposable and indecomposable) from them, which are realized differently in Slavic languages and their dialects. The study has shown that the semantic asymmetry is determined by the non-linear nature of the color system and defined eventual reasons for the stability and mobility of the color semantics. It is concluded that the stability and mobility of the color semantics in the Slavic languages determine their difference and similarity, and also maintain the dynamic balance of the color system.

Keywords: Slavic languages and dialects, color system, semantic asymmetry, synergetic approach, diachronic field, color syncretite.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kezina S. V., Lunnova M. G. Semantic asymmetry in the vocabulary of color (on the material of Slavic languages and their dialects) // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 5. Pp. 373–381.

References

1. Tolstoy N. I. *Slavyanskoe yazykoznanie: 6 Mezhdunar. s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968 g.)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1968. Pp. 339–365.
2. Moskvich V. A. *Poles'e*. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 126–161.
3. Pyataeva N. V. *Paradigmata poznáni*. 2015. No. 1. Pp. 42–48.
4. Gak V. G. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 73–91.
5. Makovskii M. M. *Lingvisticheskaya genetika: Problemy ontogeneza slova v indoevropskikh yazykakh [Linguistic Genetics: Problems of word ontogeny in Indo-European languages]*. Moscow: Nauka, 1992.
6. *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]*. Ed. A. P. Evgen'evoi. 3-e izd. Moscow: Rus. yaz., 1985–1988. T. I–IV.

7. *Clovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]*. Leningrad: Nauka, **1965**. No. 1, 2, 6, 35, 37.
8. Konopel'ko I. P. *Sopostavitel'nyi analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka (iz opyta Voronezhskoi shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy) [Comparative analysis in studying and teaching language (from the experience of the Voronezh School of Comparative Studies)]*. Voronezh: Ritm, **2019**.
9. Reshetnikova E. A. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie*. Elets: Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina. **2001**. T. I. Pp. 158–166.
10. Tolstoi N. I. *Voprosy yazykoznanija*. **1966**. No. 5. Pp. 16–36.
11. Kezina S. V. *Semanticheskoe pole tsvetooboznachenii v russkom yazyke (diakhronicheskii aspekt) [Semantic field of color terms in the Russian language (diachronic aspect)]*. Penza: PGPU im. V. G. Belinskogo, **2008**.
12. Vasilevich A. P. *Issledovanie leksiki v psikholingvisticheskom eksperimente: Na materiale tsvetooboznacheniya v yazykakh raznykh sistem [Study of vocabulary in a psycholinguistic experiment: Based on the material of color terms in languages of different systems]*. Moscow: Nauka, **1987**.
13. Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke [The history of color terms in the Russian language]*. Moscow: Nauka, **1975**.
14. *Sinergetika v filologicheskikh issledovaniyakh [Synergetics in philological studies]*. Ed. L. S. Pikhtovnikovoi. Khar'kov: KhNU im. V. N. Karazina, **2015**.
15. Kiseleva L. A., Todosienko Z. V. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. **2019**. No. 1. Pp. 21–29.
16. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]*. Moscow: Progress, 1964–1973. T. I–IV.
17. Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semito-khamit-skii, kartvel'skii, indoevropeskii, ural'skii, dravidiiskii, altaiskii): V 3 t. [Essay on comparing Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Uralic, Dravidian, Altaic): in 3 volumes]*. Moscow: Nauka, 1971–1984. Vol. 1.
18. Preobrazhenskii A. G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 2 t. [Etymological dictionary of the Russian language: in 2 volumes]*. Moscow: GIS, **1959**. Vol. 1.
19. Tolstoi N. I. *Voprosy yazykoznanija*. **1963**. No. 1. Pp. 29–45.
20. Bernshtein S. B. *Bolgarsko-russkii slovar' [Bulgarian-Russian dictionary]*. Moscow: GIINS, **1953**.
21. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslav. leks. fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]*. Ed. O. N. Trubacheva. Moscow: Nauka, **1974**. No. 1–2.
22. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t. [Historical-etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]*. M.: Rus. yaz., 1994. Vol. 2.
23. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80.000 words and phraseological expressions]*. 4-e izd. Moscow: Azbukovnik, **1999**.
24. *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoi oblasti [Dictionary of Russian dialects of the Novosibirsk region]*. Novosibirsk: Sib. otd., **1979**.
25. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes]*. Moscow: Rus. yaz., **2000**. Vol. 1.

Received 24.09.2022.